

Пролог

«Академия естественных наук Великобритании,
Лондон, 1865 год. Из стенографии выступления
капитана Роберта Оуэна, служившего
в форте Сент-Джонс, в Южной Африке.

Лорд Стэффорд: Капитан, вы оказались единственным, кто спасся тринадцатого октября тысяча восемьсот шестьдесят третьего года во время нападения племени наори на южно-африканский форт Сент-Джонс, близ Гараакумо. Не так ли?

Капитан Оуэн: Да, милорд.

Лорд Стэффорд: Если мы правильно вас поняли, командование отказалось признать ваши аргументы действительными. И вы, капитан, вызвались поведать членам Академии о событиях необычайных?

Капитан Оуэн: Именно так, милорд.

Лорд Стэффорд: Прошу вас, изложите ваше дело.

Капитан Оуэн: Два года назад в Южной Африке, близ Гараакумо, на хорошо вооруженный форт Сент-Джонс, с двумя батареями пушек, напало племя наори. Фортом командовал опытный командир полковник Гриффин. Наши силы во много раз превосходили силы противника — надежный гарнизон против двух или трех сотен африканцев. Тем более

мы нередко проводили карательные операции в тех местах, и нас боялись. Тринадцатого октября тысяча восемьсот шестьдесят третьего года, в полдень, дозорные сообщили о приближении противника. Но мы не восприняли это сообщение всерьез: ружья и пушки были надежным отпором для любой армии дикарей! Они приближались быстро, мы открыли огонь... Однако ружья не брали наори, солдаты выпускали в них из карабинов по пять, десять зарядов, каждый второй из которых был смертелен, но наори оставались живыми и шли вперед. Только пушки могли справиться с африканцами, но для этого требовалось точное попадание, чтобы противника разнесло на куски. Потому что осколки сбивали их, иногда отрывали конечности, калечили тело, но наори вставали и шли дальше, а те, что лишались ног, ползли в сторону форта...

Ропот в зале. Выкрики: «Как такое может быть?»

Капитан Оуэн: Это было, господа. Это было. Никакого болевого шока. Их не могла остановить даже потеря крови. Наши солдаты были напуганы, но сражались. Свинец выбивал наори со стен форта, но на смену одним поднимались другие. Я помню одного из дикарей — его грудная клетка была разорвана, я видел живое сердце, мышцы которого сокращались, но африканец шел вперед; он вцепился в солдата из моего взвода и сломал ему шею. Я расстрелял в него весь барабан, но он набросился на другого моего солдата, который несколько раз проткнул его штыком, и свернул ему шею. И только когда я отрубил наори голову саблей, с ним все было кон-

❧ Три осколка луны ❧

чено. Наши бойцы не могли выдержать такой бой. Они запаниковали. Я видел, как капитана Калахана, прижатого к стене, с окровавленной саблей, наори подняли и разорвали на куски, видел, как вырвали сердце у полковника Гриффина. Наши люди... они бросали ружья, господа. Но те наори, что не были изувечены, догоняли их и рвали на части.

Шум в зале. Выкрики: «Это чушь!» — «Вы нас морочите, капитан!» — «Мы вам не верим!» Шум продолжается.

Капитан Оуэн: Так было, господа...

Снова выкрики: «Вы пытаетесь прикрыть собственное поражение небылицами!» Лорд Стэффорд призывает к порядку. Шум затихает.

Капитан Оуэн: Именно так подумали мои начальники из Генерального штаба. Но они ошиблись.

Лорд Стэффорд: Прошу вас объясниться, капитан.

Капитан Оуэн: Я пришел в Академию наук, чтобы рассказать об этом вам, ученым мужам. Я надеялся на понимание. И вашу трезвую оценку ситуации, господа. Я и двое моих солдат смогли убежать из форта. У нас не было выбора. Но за нами шел искалеченный наори. Без одной руки, господа. (В зале недоуменный ропот.) Повторяю, я не вру, все так и было. Мои солдаты теряли на жаре силы. Помочь кому-то из них — означало бы погибнуть вместе с ним. Наори убил их по очереди. Я сумел выжить и сохранить рассудок. Мне ничего другого не оставалось, как думать о случившемся. И жить с этим.

🏹 Аркадий Арно 🏹

Лорд Стэффорд: И каков же был ваш вывод, капитан Оуэн?

Молчание. Капитан Оуэн подавлен.

Лорд Стэффорд: Мы слушаем вас, капитан...

Капитан Оуэн: Эти наори не были живыми людьми. Не могли ими быть.

Ропот в зале.

Лорд Стэффорд: Что это значит?

Капитан Оуэн: До нас доходили слухи о том, что наори — дьявольское племя. Их до смерти боят-ся соседи — другие племена. Но никто из нас этому не верил, пока они не напали на форт Сент-Джонс. Эти наори были зомби, милорд. Слышите, господа? — Эти наори были зомби! Восставшие мертвецы! (*Шум в зале.*) Вы понимаете, восставшие из праха мертвецы!

Шум превращается в гул протеста. Лорд Стэффорд призывает к порядку, но шум перекрывает его голос. Выкрики: «Ложь!» — «Этого не может быть!» Члены Академии поднимаются со своих мест. Шум становится оглушительным. Никого не слышно. Капитан Оуэн бледен. Он ждет. Так продолжается долго. Лорд Стэффорд вновь призывает членов Академии к порядку. Возмущенный зал затихает.

Капитан Оуэн: Другого объяснения этому нет, господа. Если вы мне не верите, снарядите экспедицию на юг Африканского континента. Я хорошо знаю те места и готов быть вашим проводником. Если, конечно, вы не боитесь, ведь то, свидетелем чему я стал, клянусь Богом, воистину страшно.

Часть первая

В плену у призрака

Гордеев любил пикники. Особенно его привлекали большие компании. Всегда находилась женщина, взгляд которой обещал многое. И возникала та особая близость, что требовала продолжения. Как это случилось сегодня... К югу шли плотные августовские облака, предвестники близкой осени. Иногда между ними прорезалось солнце, и тогда озеро, на берегу которого расположилась их компания, ослепительно вспыхивало золотом. Тихо шумели осины над головой. Дымил мангал, где запекалась новая порция свинины.

Между Гордеевым и Мариной лежал театральный бинокль.

— Всегда беру его с собой, — сказала девушка. — Можно рассмотреть птичьи гнезда, сонных рыбаков на другом берегу. То, чего не видят другие...

— Например, как кто-то купается голышом, — вставила ее сестра-подросток. — Очень интересно.

— Катя. — Марина задержала на ней многозначительный взгляд.

Катя, в свою очередь, показала старшей сестре язык и отвернулась к шумной компании, закипающей словно на медленном огне, под шашлык и вино.

— Симпатичный, — кивнул Гордеев на бинокль и, чтобы расположить к себе Марину, потянулся к нему. — Ну-ка, представим, что мы в партере!

Он приложил бинокль к глазам и навел резкость. Озеро и деревья стали близкими, доступными. Чайка спикировала к воде, выхватила с поверхности кусочек трепещущего серебра, легко поднялась. Противоположный берег — высокий, обрывистый — тоже оказался не таким уж далеким: хорошо читались могучие осокори, охранявшие озеро с той стороны. Одно из деревьев было высохшим, мертвым. Гордеев перевел взгляд на основание и тотчас уловил движение. Из-за осокоря выплыла молодая женщина. Гордеев не отрывался от бинокля: подстриженная под мальчика, рыжеволосая, одетая в темное длинное платье, она смотрела в их сторону...

— Увидели что-то интересное? — спросила Марина.

Но Гордеев, вернув бинокль, отрицательно покачал головой:

— Все как обычно: абсолютное совершенство!

Когда первые порции шашлыка были съедены и пол-ящика каберне пошло в расход, Гордеев пригласил старшую из сестер побродить по лесу, но и младшая увязалась за ними — заноза, да и только. Так они таскались около получаса, цепляя на джинсы колючки, пока сестры, предложив ему идти вперед, не поотстали. А он, оглянувшись, взял и прибавил шаг. Неожиданно избавившись от обеих спутниц, Петр вздохнул свободнее. Марина сама виновата, надо быть построже с сестрой и не потакать ей во всем.

«А что будет, если обойти озеро?» — предположил Гордеев, случайно выйдя на тропинку. Услышав голоса сестер, звавших его, — особенно младшей: визгливый, ломающийся, нарочито призывный, — он заторопился.

Прочь от лагеря!

Петр сам не заметил, как пологий берег кончился и тропинка стала уводить его от озера, где сейчас поднималась круча и осокори. Что-то подсказывало: он находится именно там, где на крутом берегу виднелась одинокая фигура женщины. И не успел он об этом подумать, как над кустарником выплыло сухое дерево — тот самый, стоявший над обрывом мертвый осокорь...

Гордеев разгреб руками кусты и стал подниматься по склону... Она стояла на краю обрыва точно так же, как и час назад, прислонившись к дереву, и, кажется, смотрела вниз.

Незнакомка обернулась на звук его шагов; Гордеев уловил в глазах девушки смятение и тотчас остановился. Он торопливо, как можно радушнее, улыбнулся:

— Простите, что мешаю вашему одиночеству: хочу полюбоваться видом нашего лагеря с обрыва! Если позволите, конечно.

Не спуская с него глаз, девушка молчала. Длинное темное платье, совсем не подходившее к выезду за город, очень точно облегло ее тонкую фигуру; рыжие, по-мальчишески короткие волосы придавали особую трогательную легкость.

— Так мне можно подняться? — переспросил он.

Ответив ему улыбкой, девушка пожала плечами:

— Как хотите.

Гордеев взобрался на холм, отыскал глазами поднимающийся над противоположным берегом дым, прищурил глаза.

— Значит, это ваши друзья жгут костер? — спросила она.

— Они самые. Правда, это не костер — мангал. Знал бы, что встречу вас, обязательно принес бы кусочек жареной свинины.

— Я не люблю шашлык. Мне нравится клубника, персики, черешня. Ну, может быть, еще апельсины.

— Каждому свое, — едва нашелся он. Запустив руки в карманы брюк, Гордеев оглядел доброжелательную собеседницу. Ее глаза были серыми, черты лица мягкими. — Вы из города? Из Предтеченска?

— Да.

— Час назад вы стояли у этого же самого обрыва.

— Так вы следили за мной?

— Я разглядел вас в театральный бинокль.

Девушка улыбнулась:

— Могу быть у воды часами. Мне кажется, я с ней одно целое. Хотя и боюсь этого чувства. — По ее лицу пробежала едва уловимая тень. — Мне снится про воду один и тот же сон. — Гордеев вдруг почувствовал себя стеклянным, точно взгляд незнакомки, легко пронзив его, уже летел вслед убегающим облакам. — Не очень веселый. — Тень пробежала, ее взгляд потеплел. — Вот так смотрю, люблюсь и одновременно хочу убежать... Меня зовут Ева.

— Всегда мечтал познакомиться с девушкой по имени Ева. — Он поклонился. — Я должен был представиться первым — простите. Петр Гордеев. Всего-навсего.

☞ Три осколка луны ☞

— А чем вы занимаетесь, Петр Гордеев?

— Покупаю и продаю бумагу. Покупаю по одной цене, продаю по другой.

— Разве это интересно?

— Интересно или нет, не знаю. Но на жительство хватает. А вы, Ева... фотомодель? Или просто ангел?

Она отрицательно покачала головой:

— Не то и не другое.

— А такая красавица...

— Когда-то я каталась на коньках в ледовом театре... В другом городе... А потом порвала связки, с тех пор принадлежу самой себе и живу на заработанные деньги. Не очень богато, но тоже хватает.

«Хорошо бы пригласить эту девушку в свою компанию, — думал Гордеев, — но вряд ли она согласится... И по отношению к Марине это несколько неудобно...»

Откуда-то справа, из-за деревьев, просигналила машина. Ева торопливо обернулась:

— За мной дядя приехал. Хотите, увидимся в городе?

— Конечно.

— Тогда завтра в семь на набережной, в кафе у гранитной каравеллы.

— Идет, — кивнул Петр.

Она пожала ему руку и поспешила вниз.

— Осторожно, не упадите! — крикнул он ей вслед.

— Спасибо! — не оборачиваясь, ответила она.

...Кусты сомкнулись за ней. Он услышал, как хлопнула дверца машины, завелся мотор. Затем шум

стал удаляться, и, когда уже готов был исчезнуть, Петр увидел далеко внизу капот белого автомобиля...

Он возвратился в лагерь с чувством недоумения и радости.

— Тебя где носит? — спросил растянувшийся на покрывале поддатый Женя Савин, старый добрый товарищ. — Мы тебя потеряли, думали — не вернешься.

Марина, надув губки, даже не посмотрела в его сторону. Но Петру было на это наплевать.

На следующий день они встретились на берегу Волги, в условленном месте. Гордеев, приехавший раньше, занял столик в открытом кафе, под тентом. Он увидел ее издали: она шла к нему в коротких джинсовых шортах, мохривших на бедрах, и белой майке, обрезанной выше пупа.

Ева была открыта и прекрасна, как распутившийся цветок.

Когда она села, улыбнулась ему и сказала: «Привет», Петр Гордеев понял, что лучше девушки он еще не встречал и никогда не встретит, даже если обойдет всю землю.

— А твои родители? — уже скоро спрашивал он, когда они пили апельсиновый сок.

— У меня никого нет, кроме дяди, — отвечала она, и на лице расцвела светлая улыбка. — Он меня очень любит, заботится. Только он все время в разъездах, я редко вижу его, но наши встречи всегда очень теплые и счастливые. И когда бы дядя ни приезжал, он всегда дарит мне лилии. Он такой забавный и милый...

❧ Три осколка луны ❧

Еве было двадцать пять — возраст, когда женщина расцветает и предстает миру во всей своей красоте. Была ли она замужем? Нет. В какой-то момент Ева погрузилась: когда-то карьера танцовщицы на льду начиналась удачно, но травма внезапно оборвала ее. Это обернулось и душевной травмой.

— А в каком театре на льду ты каталась? — спросил Гордеев.

Ева неожиданно стала серьезной:

— Какая теперь разница!

«Вот именно, — думал он, — какая разница: не стоит давить на больную мозоль». Придет время, и он все узнает.

— Хочешь, покажу тебе свой дом? — часа через полтора спросила Ева.

— Мечтаю, — откликнулся он.

Гордеев держал ее за руку, когда они подходили к стоянке машин. Рядом с его «Фордом» стоял черный, выдавший виды «Харлей». Ева подошла к мотоциклу, перекинула ногу через сиденье.

— Поехали?

Гордеев усмехнулся, покачал головой:

— Добрый жеребец. Так ты амазонка?

— Еще какая, — многозначительно улыбнулась Ева.

Петр огляделся. Через дорогу был продуктовый. Он подмигнул Еве, бросил: «Сейчас», и быстро перешел дорогу. Вернулся с большим пакетом. В нем были персики, черешня, клубника и немного апельсинов. Там же ждали своего часа бутылка сухого красного и шампанское. Когда Гордеев забирался в свой автомобиль, Ева бросила:

— Не отставай от меня.

В юности он дружил с Саньком Птицей, заядлым драчуном и отважным мотоциклистом. Что он только не вытворял на своей «Яве»! Сколько аварийных ситуаций создал Птица на улицах Предтеченска — страшно подумать! Но Еве он и в подметки не годился. Такой бесшабашной езды Петр никогда не видел. И профессиональной. Его амазонка ветром обгоняла грузовики и джипы, пулей вылетела вперед и потом встречала оставшего Гордеева у светофора. Он только и ждал того, что сейчас придется выходить из машины и заступаться за новую знакомую, был готов драться за эту женщину до победного конца, но никто не остановил ее, так виртуозно она выписывала свои пируэты.

...Они въехали в зеленый район города, звавшийся «Родничком», где среди зелени стояли небольшие коттеджи. Один из них, двухэтажный, принадлежал Еве. Мотоцикл врос в землю у самых ворот, и девушка легко спрыгнула с седла. Гордеев вышел из «Форда», бережно хлопнул дверцей.

— Мадемуазель, у меня нет слов.

Она, держа в руке шлем, поклонилась:

— Благодарю.

— И не страшно — вот так, милая Ева?

Девушка пожала плечами:

— Когда занимаешься любовью, стоит чего-нибудь бояться?

— Ну-у...

— Нет, не нукайте, пожалуйста. Отвечайте. Разве самый маленький страх перед чем-то не способен убить все?

Он с любопытством посмотрел в глаза девушки.

— Очень может быть. Даже очень.

— Вот и я о том же.

Дом оказался уютным, прозрачным по наполнявшим его краскам, и это лишний раз говорило о характере хозяйки: непредсказуемой, готовой взволновать самого заядлого скептика. Трогательной и загадочной у озера; стремительной, подобной вихрю на дороге, за рулем мотоцикла; мягкой и спокойной в своем доме. С разрешения гостя она переделалась в короткий шелковый халат.

— Дом помог мне обустроить дядя, — говорила Ева, когда Петр доставал из пакета фрукты. — Без него я бы вряд ли справилась.

— Хвала вашему дядюшке. — Гордеев вытащил из пакета две бутылки, поднял их. — С чего начнем?

Ева отрицательно покачала головой:

— Я не пью.

— Совсем?

— Да, — кивнула она. — У меня был двоюродный брат, родной сын моего дяди. Он разбился на машине, когда был нетрезв. После его смерти дядя стал совсем нелюдимым. Он просил меня никогда не пить спиртного, зная, какую я люблю езду. Я осталась у него одна на целом свете. — Ева улыбнулась. — А он у меня... Но ты не должен следовать моему примеру, — поторопилась добавить хозяйка, увидев, что гость стоит, сокрушенно опустив руки. — Дашь мне слово?

Когда фрукты и ягоды были вымыты, разложены на блюда и блюдца, гость, то и дело пригубливающий красное вино, спросил:

❧ Аркадий Арно ❧

— У тебя есть фотографии? Фотоальбомы? Я бы хотел посмотреть на тебя, какая ты была раньше, девочкой. Как каталась на коньках в твоём ледяном театре, во время спектаклей. Наверное, есть такие снимки, и немало. На твоего загадочного дядю, наконец...

— Фотографии, — опустив глаза, проговорила Ева. — Видишь ли, в моей квартире — другой, прежней, — был пожар. Сгорели все фотоальбомы... Осталась только одна. Могу показать. — Она встала, протянула ему руку. — Идем...

...Они поднялись на второй этаж — он так и держал ее за руку. Прошли небольшой коридорчик. Дальнюю дверь Ева потянула на себя... Гордееву открылась спальня, самая светлая и прозрачная комната в этом доме, с огромной кроватью в середине, покрытой пестрым покрывалом.

— Это она, — кивая на стену, проговорила Ева.

Над кроватью, в белом багете, под стеклом висела черно-белая фотография, выполненная, безусловно, настоящим фотохудожником... Одетая в короткое белое платье, Ева сидела в плетеном кресле, стоявшем в середине гигантского ледяного поля; рекламные плакаты на бортах, как и очертания трибун, расплывались за ее спиной. На голове Евы держалось кепи, на ногах, сведенных в коленках, были коньки; лежавшие на подлокотниках руки сцеплены... она счастливо улыбалась в объектив.

— Наверное, это фото стоит всех остальных, — тихо проговорил Петр.

— Его сделал мой дядя — в одном из городов, через который мы проезжали.

«Как это трогательно, — думал Петр, разглядывая девушку на фото, — куда ни ткнишь, все сделал любимый дядя. Золотой, наверное, человек...»

— А чем он занимается?

— Путешествует.

— И только?

— Он, как бы это лучше выразиться, врач. Но... не простой.

— Как это понять?

— Он фитотерапевт. Лечит травами.

— А, знахарь! — улыбнулся Петр.

— Точно, — подхватила Ева. — Именно — знахарь. Но не такой, какие бывают в глухих деревнях, нет. Он — особый знахарь. Специалист высокого класса в своем деле. Всю жизнь посвятил этой науке.

— Ходит в рубище, подпоясанный бечевою, с бородой до пупа?

— Нет же, — рассмеялась хозяйка дома. — Дядя очень приличный пожилой мужчина, любит хорошо одеться, даже в чем-то франт. Он — цивилизованный знахарь. А поскольку собирает травы в разных частях страны и клиенты его живут где угодно, он много ездит. Дядя нарасхват. Его трудно застать на месте.

Но Гордеев уже слушал ее вполуха. Он смотрел на роскошный букет из белых лилий, стоявший в самом углу, на тумбе, в широкой хрустальной вазе. Поймав его взгляд, Ева поспешно улыбнулась:

— Я тебе уже говорила: когда дядя приезжает, он всегда дарит мне белые лилии. Как вчера. Правда они хороши? — Девушка потянулась к нему, положила руки на плечи. — В них столько нежности, да?

❧ Аркадий Арно ❧

— Да, — чуть дыша, негромко ответил он.

— Ты очень скован, — касаясь губами его уха, прошептала она. — Почему?

— Просто все так неожиданно...

Но она уже обнимала его, целовала, покоряя чувственным теплом. Голова закружилась. Он положил руки ей на бедра, и шелковый халат быстро заскользил вверх. Под ним ничего не было. Ева сама потянула гостя на кровать, обвила ногами, открываясь легко и просто...

В начале октября они сыграли свадьбу. Гостей со стороны Гордеева была тьма-тьмущая, со стороны невесты — одна только взрослая подруга, сорокалетняя блондинка, ухоженная и дорогая, по имени Эльвира. Дядя ее в эти дни был так далеко от Предтеченска, что от него пришла только телеграмма: «Поздравляю тчк желаю счастья тчк люблю тчк будь хорошей девочкой тчк привет мужу тчк».

Молодожены съездили в Крым, вернулись загорелыми, довольными, наполненными друг другом.

Об одном умолял Гордеев супругу: чтобы она тише ездил по улицам, не рисковала жизнью каждую минуту. Но Ева только загадочно улыбалась.

Друзья завидовали Петру: выехать на природу, выпить вина, закусить шашлыком, прогуляться вдоль берега озера, и там, точно в сказке, найти красавицу-жену.

— Словно стрелу наугад выпустил, — шутил Женя Савин.

— Так оно и было, — подыгрывая товарищу, соглашался Петр. — Вижу: лягушка; слышу: лопочет

☞ Три осколка луны ☞

по-человечьи. «Поцелуй, — говорит, — меня, добрый молодец, счастливым станешь».

— Это я — лягушка? — улыбалась Ева.

— Смотри, в сердцах шкурку не сожги, — не отставал Женя. — А не то иди тебе в тридесатое царство.

Куда бы они ни пошли, сидели всегда вместе, тесно, не могли не касаться друг друга. Что говорить о доме! О долгих осенних вечерах, когда они оставались одни!..

Руки Евы были нежными, их прикосновение — воспаляющим.

Она оказалась совсем не такой, какой он представил Еву в день их первой встречи, на озере — почти робкой. И не такой, какой нарисовал ее на второй день, когда увидел шагавшей к нему по набережной: утонченно-сексуальной, получавшей наслаждение оттого, что взгляды мужчин провожали ее. И даже на открывшейся ему тем же вечером в постели, в цветах и птицах, выписанных нежными красками по шелку: порывистой, интуитивно умевшей увлечь мужчину, куда ей хотелось. Каждый день она открывалась ему заново, и всякий раз — по-разному. От робкой, улыбавшейся случайному знакомому девушки на берегу озера не осталось и следа. В ней жила острая чувственность, обжигающая, неуравновешенная, почти яростная.

Кажется, в любви она была такой, какой он увидел ее первый раз на дороге, за рулем «Харлея», — способной совершить любое сальто-мортале, улететь вперед и дожидаться отставшего спутника; погибнуть в любое мгновение, погубить первого встречного.

«Когда занимаешься любовью, стоит чего-нибудь бояться? — спросила она на второй день. — Разве самый маленький страх перед чем-то не способен убить все?»

Но не только это удивляло его. Часто, когда дело не касалось постели, она превращалась в замкнутого, отрешенного от всего человека, как это случилось в последние дни перед свадьбой. Он приехал к ней — она сидела на балконе, глядя перед собой, — хлопнул дверцей, помахал рукой. Но Ева точно была мертва. Он даже испугался, окликнул ее. Даже не пошевелилась! Он открыл дверь своим ключом, взбежал по ступеням на второй этаж, проскочил комнату, уже на балконе, осторожно приблизившись, дотронулся до ее плеча: она, вздрогнув точно от электрического разряда, вскрикнула, обернулась. Он и сам отпрянул назад, едва не зацепившись каблуком за порог.

— Господи, — бледная, тихо проговорила она, — как ты меня напугал!..

— Правда? — откликнулся он. В глотке пересохло. — Я кричал тебе с улицы...

— Никогда больше не подкрадывайся ко мне вот так, — сухо оборвала она его.

Рядом, на табурете, стоял тазик с хной. Желтая капля запеклась на щеке его жены, но, кажется, она не замечала ее.

Но было и другое — ночью, в Крыму, в санаторском номере, где они поселились, с окнами, выходящими на море. В те дни оно было беспокойное, суровое, штормовое, особенно по ночам... Он проснулся от крика: вопль резанул его по ушам, он даже

не сообразил, что голос принадлежит Еве, она кричит во сне. Петру едва хватило сил разбудить ее: она никак не могла проснуться, точно хотела остаться там, в суровых волнах своего кошмара.

— Что тебе приснилось, расскажи, — уговаривал он ее, уже сидевшую на кровати, тесно прижавшуюся к нему, с тяжелыми каплями пота на лбу. — Расскажи...

— Это уже не первый раз, — едва слышно произнесла она. — Даже со счета сбилась. Я думала, что теперь, с тобой, этого больше не повторится...

— Расскажи, — просил он, — так будет легче, правда...

Она едва заметно кивнула:

— Ясный день, много солнца. Я плыву в лодке. Весла врезаются в зеленую мутную гладь, а я все гребу, желая одного: заплыть подальше. Мне и сейчас страшно от одной мысли, зачем я это делаю...

— И зачем же? — прижимая ее к себе, спросил он.

Взглянув на него, Ева недоуменно покачала головой:

— Я хочу утопиться.

— Утопиться? Но почему? — недоуменно спросил он.

— Не знаю, — покачала головой Ева. — В моей душе много горя. На середине озера я поднимаюсь во весь рост, смотрю вверх, на небо, оно огромное, каким я никогда не видела его раньше, оглядываюсь на берег — вот его помню плохо — и прыгаю в воду. Пытаюсь побольше проглотить воды, нырнуть поглубже. И когда вода проникает в меня, я смертельно

пугаюсь, хочу выбраться наружу. Но света над моей головой все меньше и дышать нечем. Я осознаю, что смерть совсем рядом. Достигаю дна, вижу ил, песок, корни деревьев, водоросли, и там, в зеленом зыбком тумане, навстречу мне идет женщина, протягивая руки. Вот когда мне становится по-настоящему страшно! Она суха и уродлива, на лице улыбка, но глаза пустые, выцветшие. За ней тяжело тянутся длинные одежды. Я знаю, что это и есть Смерть. Я изо всех сил отталкиваюсь от дна, бью ногами, стараюсь выплыть; свет уже брезжит над головой, я приближаюсь к нему; но мне не хватает дыхания; я теряю ориентацию, и вдруг надо мной выплывает длинное темное пятно. Я ударяюсь о днище лодки — той, на которой приплыла сюда, — сил больше нет, мне нечем дышать, сознание оставляет меня. И я чувствую только одно: как меня хватают за ногу и тащат вниз. Это ее рука, той, что идет по дну.

Тогда, в темноте, он долго смотрел в глаза Евы, вдруг потухшие, чужие, почти незнакомые. А за окном гудело штормовое море, и слышно было, как оно борется с гранитными волнорезами. И неизвестно еще, кто победит...

В начале осени Гордеев выехал в Суровскую губернию, в городок Мохов, на бумажную фабрику. Петр должен был договориться о поставке крупной партии продукции для полиграфии. Вернуться он собирался через трое суток утром.

За окном поезда была тьма. Она летела, и в ее густоте читался контур леса, идущего сплошняком

вдоль полотна. На столике покоились остатки недавнего пиршества. В бутылке чернел коньяк — на рюмку, не больше. В купе стоял методичный, раскатистый храп. Сосед Гордеева по СВ, грузный пожилой человек в пижаме, то и дело выдавал лошадиное: «Тпррру».

Поезд трянуло. Сосед очнулся, сонно открыл глаза.

— Я не очень вам мешаю, м-м-м, Петр Петрович? — Спросонья он не сразу вспомнил имя недавнего сотрапезника.

— Нет, Иван Степанович, пустяки.

— А то ведь я вас предупреждал, что храплю — особенно после коньяка.

— Спице дальше. После полуночи я выхожу.

Привалившись к подушке, Гордеев смотрел на черный лес, полосой уходивший назад, и вспоминал Еву. Она — на балконе, ослепшие глаза, словно мертвое лицо...

Спустя двенадцать часов, около полуночи, на перроне города Сурова его встретил угрюмый шофер, взял вещи, донес их до «Нивы»; Петр забрался в салон, и они поехали.

Долго тянулся пригород, за ним черные леса и поля, далекие огни...

Петр клевал носом. Встряхнулся он, когда недалеко от дороги сверкнул мутно-золотым осколком край гигантского озера. Среди черных крон деревьев вырос особняк, горевший окнами всех трех этажей. Бледно светилось маленькое окошко на островерхой крыше, темным треугольником разрезавшей ультрамарин ночного неба.

☞ Аркадий Арно ☞

Они проехали озеро; затем был переезд, стали появляться дома, многоэтажные, но чаще — самые что ни на есть деревенские.

— Мохов? — спросил Гордеев.

— Он самый, — сухо сказал шофер.

Скоро машина остановилась у провинциальной гостиницы. Гордеев поблагодарил шофера и вышел. В единственном номере люкс на всю гостиницу было довольно уютно. Петр наспех разобрал вещи; между джемпером и нижним бельем в рамочке итальянского багета лежала фотография. Он и Ева. Свадебное путешествие, Крым, берег моря. Он обнимает ее, загорелую; челка коротко стриженных волос неровно прилипла ко лбу; она смеется, вся светится от радости. А за их спинами уже набегает гигантская черноморская волна...

В десять утра в гостиницу должен был приехать один из коммерческих директоров фабрики Иван Иванович Крохов. Гордеев к тому времени принял душ, позавтракал в маленьком кафе при гостинице и теперь смотрел новости.

На деле Крохов оказался здоровенным блондином, плечистым и улыбчивым. Пока Гордеев завязывал галстук, подтягивая узел к горлу, и надевал пиджак, Крохов ходил взад-вперед по гостинице, расхваливая свою фабрику и ее продукцию, а также начальника фабрики Федора Михайловича Дронова, его сноровку, чутье, умение работать с коллективом и клиентами. Голос Крохова был басовитым и мажорным, звучавшим на од-

ной ноте. От него начинало звенеть в ушах и голове.

Когда Петр, открыв «дипломат», стал перелистывать необходимые документы, Крохов, остановившись у стола, сказал:

— Поразительно.

— Что? — обернулся к гостю Гордеев.

Вместо ответа Крохов взял фотографию, положил ее на широкую ладонь и спросил:

— Ваша жена?

— Да.

— Очень красивая.

Петр кивнул:

— Я тоже так думаю.

— А как ее зовут?

Гордеев захлопнул «дипломат»:

— Ева.

— Бывает же такое, — покачал головой Крохов и кивнул на фотографию. — В нашем городе жила девушка, как две капли воды похожая на вашу жену. Даже не верится... Она утонула.

Гордеев уже встал; снимая с вешалки пиджак, он обернулся:

— Утонула?

— Да, ее вытащили рыбаки. Браконьеры. Город у нас небольшой, многие друг друга знают. Говорили, хорошая была девушка. Моя сестра училась с ней в одном классе. Они дружили. Дашей, кажется, звали. У нас дома есть фотография их класса.

Петр не понимал, зачем блондин-здоровяк рассказывает ему эту историю.

❧ Аркадий Арно ❧

— Поразительно, — повторил Иван Крохов, только заметив, что Гордеев уже стоит в дверях. — Ей-богу, — он вернул фото на место. — Через двадцать минут будем на фабрике, Петр Петрович, — и широко улыбнулся. — В аккурат.

Моховская бумажная фабрика находилась на окраине города. Уже были видны ее здания, когда блондин кивнул вправо:

— Эта церковь — наша гордость. — Старинная белокаменная церковь поднималась на холме, среди деревянных домов, редких каменных коттеджей и окружавших их фруктовых садов. — Семнадцатый век! Даже коммунисты не сломали. А теперь отремонтировали. Красота!

— Верно, — соглашаясь, кивнул Петр, оглядываясь. — Хорошо бы сфотографироваться рядом. Память будет о Мохове.

— Проще простого, — откликнулся Иван. — В часы культурной программы.

— А будет культурная программа? — спросил Гордеев, хотя не сомневался в этом.

— Ну так! — Крохов многозначительно улыбнулся и даже, кажется, собирался подмигнуть, но сдержался. — Шашлыки будут — пальчики оближешь. Мясо лично замачивал. Я в этом деле спец.

Договор был заключен выгодный для обеих сторон. Бумага из Мохова при добром качестве вышла недорогой и обещала фирме, где Петр Гордеев работал заместителем директора, хорошие барыши.

❧ Три осколка луны ❧

К берегу Волги ехали на «Газели» в составе руководства бумажной фабрики, хорошенькой секретарши генерального директора Зои и представителя фирмы «Папирус» господина Гордеева. В ногах Ивана Крохова стояло ведро маринованной свинины. Еще один молодой человек сторожил три картонных ящика, в первом из которых нервно и звонко подрагивала водка, во втором закипало шампанское, в третьем томилось красное и белое вино.

По дороге, едва справа показалась церковь, блондин вспомнил:

— Федор Михалыч, наш гость хотел сфоткаться на фоне храма. Да, Петр Петрович?

Гордееву было уже все равно. Он подустал, обсуждая договор, отступая и пытаясь настоять на своем, и теперь церковь его не очень волновала, но директор фабрики Федор Михайлович Дронов пробасил:

— Хорошая у нас церковь, Петр Петрович, я и сам с удовольствием составлю вам компанию... Ну-ка, Сережа, подъезжай ближе...

«Газель» притормозила у самой церкви. Гордеев выбрался за Федором Михайловичем, саданувшимся головой о мягкий потолок машины и наступившим Ивану на ногу; за ним выбрался и сам блондин, тайком косясь на крепко отмеченный ботинок, до того начищенный до блеска, а когда трое мужчин уже были на улице, туда же рванула и Зоя.

В руках Ивана Крохова появился айфон.

— Строиться, и потеснее! — бросил деловитый блондин.

❧ Аркадий Арно ❧

Между мужчинами оказалась проворная Зоя, прихватив под локти своего шефа и Гордеева. Крохов навел на них аппарат, долго выравнивал перспективу, затем скомандовал:

— Внимание!..

Гордеев вздохнул, Федор Михайлович гортанно откашлялся, Зоя произнесла «чиз», и ее лицо загадочно осветилось изнутри.

Иван рявкнул:

— Снимаю! — и нажал на кнопку. — Готово, — опуская айфон, выдохнул Крохов.

Тут же откликнулся директор фабрики:

— Повтори, я, кажется, моргнул.

— А давайте я, Федор Михайлович, — неожиданно выпалила Зоя, — у меня всегда хорошо получается!

Пикник в сосновом бору на берегу Волги удался на славу. Вечером Гордеева отвезли на вокзал. Иван Крохов, раскрасневшийся, обещал охоту на уток, «которых в Мохове уйма», звал его приехать, да поскорее; по-дружески сжал руку, едва не сломав кисть, и Петр, сытый и умиротворенный, отбыл домой.

— Представляешь, — говорил он жене следующим вечером, когда они вернулись из ресторана и уже разделись, готовясь посмотреть телевизор и лечь спать, — в городке Мохове, где я был по делам, один человек сказал мне, что у них жила девушка, очень похожая на тебя. Как две капли воды... Она утонула несколько лет назад в озере. Ее нашли рыбаки.

— Утонула?

— Да, ей было около семнадцати.

☞ Три осколка луны ☞

— Зачем ты мне это рассказываешь? — Ева насупилась. — Не люблю такие истории. — Она пожала плечами. — Ты мог бы догадаться.

Но Гордеев и сам не понимал, зачем рассказал жене.

— А потом? — неожиданно спросила Ева.

— Что — потом?

— Что с ней было, с этой девушкой?

— Как — что? Ее похоронили... Прости, — он пожал плечами, — кто меня тянул за язык, не знаю...

— Прощаю.

Теплая ладонь Евы легла ему на грудь, губы коснулись щеки, уха.

— Мы сегодня будем заниматься любовью? Я очень по тебе скучала, очень...

Через пару дней на электронную почту пришло письмо и две фотографии. Петр улыбнулся. Два снимка. Белокаменная церковь семнадцатого века на фоне садов и частных домишек. С той лишь разницей, что на первом — сияющая мордашка Зои, на втором — широкая улыбка Крохова. Федор Михайлович с закрытыми глазами на обоих фото, и сам он, Петр Гордеев, рассеянно глядящий в объектив.

— Ева! — позвал он. — Иди полюбуйся!

— Что это? — подходя, спросила Ева.

— Я и доблестные моховцы на фоне старинной церкви. Наши партнеры.

Ева присмотрелась к фото на мониторе.

— И кто эти люди? — спросила она.

— Это — Федор Михайлович, — взялся объяснять он, — на первый взгляд такой увалень, но свое-

го не упустит... Блондин — вообще отдельная история... Девушка...

Он хотел было дать характеристику секретарше Дронова, оказавшейся известной болтушкой, но остановился... С Евой, вцепившейся взглядом в снимки, происходили странные перемены. Буря чувств пронеслась по ее лицу, изменив его, сделал почти неузнаваемым. А потом ее взгляд остановился в пространстве, на известной только ей точке.

— Ева, что с тобой?

Жена молчала. Она вновь показалась ему мертвой, как в тот день, когда он окликнул ее, сидевшую на балконе, ничего не видевшую и не слышавшую. Только теперь он побоялся дотронуться до ее плеча.

— Ева...

Она вздрогнула, подняла голову:

— Что?

Он не нашелся, что сказать.

А она еще раз взглянула на фотографии.

— Красивая церковь... А что это за девушка?

— Секретарша начальника, вот этого толстяка.

— Понятно, — кивнула Ева. — Очень милая...

Ты еще поедешь туда?.. В Мохов?

— Теперь, наверное, весной. Если мы поработаем с ними хотя бы года три по тем ценам, на которые я договорился, то станем значительно богаче. Эта фабрика — настоящий Клондайк. Только бы у нас ее не перебили.

— Мне надо уехать на неделю, — на следующий день сказала Ева. — Дядя просит навестить его.

— Уехать — куда?

— В Питер. Дядя заболел по дороге, лежит в гостинице. Мне необходимо вылететь сегодня. Он позвонил, пока ты был на работе.

— Он так тяжело болен?

Из глаз Евы неожиданно брызнули слезы. Она села на стул, сжав колени и упрямо глядя в пол.

— Да, он болен, и я нужна ему. — Плечи ее затряслись; спрятав лицо в ладони, она уже ревела навзрыд. — Я уже тебе говорила, что он значит для меня! Он всегда был для меня отцом, матерью и целым миром. Я знаю, ты ненавидишь его, — хрипло, не глядя на мужа, твердила она, — потому что ревнуешь, но это так глупо, очень глупо! Я должна ехать, сегодня, сейчас же!

— Хорошо, хорошо — он обнял ее, прижал к себе, — если нужно, поезжай. Разве я против? Конечно, поезжай... Просто все это очень странно... Неожиданно как-то...

— Какая разница — неожиданно или нет, — сквозь слезы проговорила Ева. — Он позвонил мне и попросил.

— Может быть, мне стоит поехать с тобой?

Ева сразу затихла, присмирела.

— Нет, я одна.

— Но... почему?

— Мне нужно ехать одной. Твое появление может взволновать дядю. Не так сразу. Всеу свое время... — Она подняла голову, поцеловала его ладонь. — Понимаешь меня?

Петр молчал. Он смотрел в серые, все еще полные слез глаза Евы.

— Понимаешь? — переспросила она.

— Если честно, то нет.

Он помог Еве собрать чемодан, хотел было сам отвезти жену в аэропорт, но она сказала, что уже звала такси.

Вечером Гордеев сидел в гостиной и пил коньяк. На стене перед ним висела большая фотография, где они в обнимку с Евой стояли у самого берега, а за их спиной уже набегала, готовая сбить их с ног, черноморская волна. Копию этого фото он возил с собой по командировкам и держал на рабочем столе. Как удачно их сфотографировал тот пожилой толстяк в белых шортах, все время пялившийся на Еву! Да и она была разговорчива, точно знала его тысячу лет. Но Петр не ревновал, было даже забавно. Тем более что он привык к подобным взглядам, обращенным на его жену...

Как странно, как неожиданно он влюбился! Точно гром среди ясного неба грянул. И не ожидал от него никто этой женитьбы: ни друзья, ни подруги. Да и сам он не ожидал.

Употребляя один серебряный наперсток за другим — хотя его и рюмкой назвать было трудно — без закуски, Петр думал о том, как странно складывается их супружеская жизнь. Совсем не так, как он себе представлял. Как-то обособленно они жили друг от друга в этом мире. Гордеев был уверен, что он неплохой человек и в его жизни нет ничего, о чем бы он стыдился рассказать Еве. Возможно, только любовные приключения, самые дерзкие, опустил бы, чтобы не заставлять ревновать к его прошлому.

И совсем другое дело — его жена. Он думал, что нашел в девушке, стоявшей на берегу озера, у мерт-

❧ Три осколка луны ❧

вого осокоря, похожего человека. Поначалу все так и было. Но со временем он стал понимать, что в жизни Евы есть скрытая часть, которой она никогда бы не поделилась с ним. Ни за что на свете. Даже под пыткой. Это его настораживало, а если сильнее и правдивее — пугало.

Ночь давно вползла в комнаты его квартиры, а Петр еще не спал. Коньяк был на исходе, а он все думал, слушая, как на стене тихонько цокают часы. Недавно позвонила Ева, сказала, что все в порядке, добралась нормально. Он спросил, как здоровье дяди, и она ответила, что ее приезд для него — лучшее лекарство.

Хотелось бы верить...

Чего стоил этот человек, находящийся так близко, совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки, но всегда недосягаемый. Он и впрямь не любил его — а за что? Когда он давал о себе знать, Ева менялась. Становилась другой — замкнутой, еще более отстраненной, нацеленной всем своим существом на своего странного родственника. И муж для нее уже был помехой.

Вернулась Ева ровно через неделю, как и обещала, — немного уставшей, но счастливой. Дядя выздоровел, она ухаживала за ним, помогла подняться на ноги, окрепнуть. Петр хотел было держаться на дистанции, но Ева, приласкавшись, разбила лед настойчивыми объятиями, чувственным поцелуем.

После ужина она потянула его в постель и была так нежна, что Петру мог бы позавидовать любой мужчина. «Ну и что с того, если иногда мы не на-

ходим общим языком, — думал он, уже засыпая и чувствуя на своем животе теплую руку Евы, — разве у всех складывается гладко? Наконец, за непохожесть на других женщин, за неординарность я и полюбил ее. Ева просто очень чувствительна, тонка. И нечего винить ее в том, что иногда она замкнута и отчуждена. Ее просто надо любить такой, какая она есть...»

Утром его счастливая жена прыгнула на свой «Харлей», посадила сзади Петра, и они вырвались на городские улицы, как юркий парусник, подхваченный безумным ветром, в открытое море.

Петр кричал ей в ухо, что вернется домой седым, но она не слушала его. Дома она вновь потащила его в постель. В какой-то момент Гордеев запросил пощады, говоря, что он ей еще пригодится. Ева смиловилась.

Следующий день она намеревалась посвятить своей подруге Эльвире.

В январе в Предтеченске случилось два убийства, в обоих случаях погибли известные бизнесмены, они же депутаты губернской думы. Первый от партии «Россия с нами», второй «Наше будущее — Россия». Первый депутат, Борис Матвеев, прославился в девяностые годы тем, что содержал в Предтеченске игорные и публичные дома, был замешан в ряде грязных историй, но потом отмылся, очистился, отряхнул перышки, легализовал бизнес и стал депутатом, а еще борцом за права детей с ограниченным зрением. Даже создал благотворительный фонд «Увидеть этот мир». Матвеева обнаружили в собственном «Мерседесе» с исключительно редкой раной: ему вогнали

под ухо шило — жало поразило мозг. Старая восточная расправа! А шоферу-телохранителю просто сломали шею. Несомненно, убийца был профессионалом высшего класса.

Слухи разнеслись по городу быстро. Следовательно, что вел дело об убийстве, близкие заявили, что у Бориса Егоровича в этот день была похищена очень крупная сумма денег. Они даже открыли цифру: миллион долларов. Куда он вез ее и кому — осталось загадкой. Якобы деньги предназначались на благотворительные цели. Скоро об этом «изысканном» убийстве на восточный манер трещали все независимые интернет-порталы. Но кому была выгодна смерть Бориса Матвеева? Официальные газеты упрямо молчали, телеканалы тоже.

Но очень скоро интернет-журналисты, эти злобные проныры, открыли тайну: более всех его смерть могла быть выгодной Марату Сейфуллину, экс-чемпиону по классической борьбе. В девяностые Сейфуллин также не брезговал никаким бизнесом: основал свою небольшую вооруженную до зубов империю, тоже содержал игорные и публичные дома, а потом стал генеральным директором крупного банка и уже потом — уважаемым политиком. Марат решил заступиться за пенсионеров и учредил благотворительный фонд с простым, добрым и трогательным названием «Благодарность».

Но был один нелегальный бизнес, из-за которого Матвеев и Сейфуллин грызли друг друга и в девяностые, будучи молодыми и дерзкими, и продолжали в наши дни, заматерев и став «почетными гражданами Предтеченска». Их фотопортреты висели на глав-